

поручения по хозяйству, да и сам он начинает чувствовать себя, как бы оторвавшимся от своих более молодых сверстников — он уже перерос их. Его уже не удовлетворяет скачка на взнузданном товарище, когда он может так же смело скакать на живой лошади, правда без седла еще, охлюпки, как называется такой способ езды, но зато на живой, настоящей лошади. Проидет немного времени и он поедет и поскачет и на седле, пропустив ноги в путлища стремян, которых ступни он еще достать не может, отец уже охотно пользуется его помощью при уходе за лошадью, поручая ему привести ее, пока он достанет воды из колодца, принести сена в ясли, даже больше того — сводить к речке лошадь на купанье или на выгон на пастбище, спутать или стреножить и, в свое время, привести обратно. Все эти премудрости он постепенно изучит и знает, что и как нужно делать. При этом не пропускает случая за-

браться на коня верхом, проехать или проскакать необходимое пространство, одним словом, он уже много знает из того, о чем его младшие сверстники только мечтают. Конь, живой конь, настоящий, делается его мечтой и иногда лаской или строгостью он старается ему показать свою власть и превосходство над ним.

В то же время у него имеется и другая забота. Из постоянного наблюдения мальчик знает, какие предметы и материалы нужны при чистке ружья и на его обязанности лежит забота о их хранении и заготовке. Все это он бережно и тщательно хранит, чтобы, когда потребует отец, все было исправно и в готовности, а при самой чистке он уже интересуется, как это нужно делать, и для чего служат части ружья, разобранные отцом. Не стесняется задавать и вопросы отцу, когда чего либо не понимает.

(Продолжение следует).

Санжа Балыков.

Восточные соседи Казачества.

Киргиз-казаки.

б). Данные географические.

Территория киргиз-казацкого народа по описанию Левшина (1830-е годы) с севера на юг тянется от 55° сев. широты до 42°, а с запада на восток от 68°, до 102°, долготы. Таким образом, Киргиз-Казацкий территорией является громадное пространство, заключенное между Уралом и Иртышем — с запада на восток и между городом Омском и Ташкентом — с севера на юг. Восточная граница тянулась по Каспийскому морю и Уралу, на востоке граничили с Китаем, на северной границе сталкивались с русскими, а на юге с Туркестаном.

По определению Семенов-Тянь-Шаньского, пространство это уже меньше, а именно: южная граница проведена по реке Чу и линией пересекающей северную часть Аральского моря и упирающейся в залив Цесаревича — Каспийского моря. Восточная граница переходит за Урал и идет по реке Узени, а линии северной и восточной границы остаются без изменений, хотя значительная часть севера территории уже занята к этому времени русскими переселенцами и фактически не составляет владения киргиз-казаков. Все же территория киргиз-казаков и по этому определению равна территории четырех таких государств, как Франция, Германия, Италия и Испания вместе взятые. По современному определению площадь Казахской АССР (Казахстана) уже на много меньше, вследствие почти искусственного деления единого географического и этнографического комплекса на ряд республик и автономных областей. По определению И. Слонима, площадь Казахстана равняется 2.960.000 кв. км., а по определению Соколова и Уварова 2.129.587 кв. км.

Большая часть поверхности Киргиз-казацкой земли возвышена. На востоке, в районе городов Семипалатинска, Устькаменогорска и Каркалинска, озера Зайсана и Балхаша, возвышенность переходит в горы от 800 до 2000 саж. над уровнем моря. Наиболее известны — горы Южного Алтая, горные хребты Саурский, Тарабгатайский и Нарымский. В западной, степной полосе известны горы Мугуджарские и юго-восточные отроги Уральских гор. Возвышенная равнина, выше уровня моря от 80 до 200 саж. занимает район Кокчетав, Атбасара, Акмолинска, заключая в себе Голодную степь; такая же равнина тянется вдоль северовосточных берегов Аральского моря, которая известна под именем Усть-Урта и по заключению ученых представляет из себя не что иное, как бывший остров, в те древние времена, когда вся почти территория Казахстана была морем, из которого остались Каспийское и Аральское моря, да множество соленых озер, в большинстве случаев высыхающих. Как поверхность так и состав почвы Киргиз-казацких земель, будто-бы, убедительно подтверждают эту гипотезу ученых.

Лишь по бассейнам рек Иртыша, приблизительно от Байн Аула на север до Омска, дальше на запад, пере-

секая северную часть р. Ишима, по бассейну Тобола тянется неширокой полосой низменность.

Почва земли Киргиз-казацкой на преобладающем пространстве состоит из так называемой „каштановой“ и светлобурой степной земли. Если разделить всю территорию на три полосы линиями, тянущимися с запада на восток, то пространство с такой почвой занимало бы среднюю, самую широкую полосу, тянущуюся от восточного до западных границ. Почва эта, хотя и скупо, но плодородна. Орошением и искусственным удобрением плодородность можно увеличить. Северная, самая узкая полоса, начинающаяся с берегов Илека, то расширяясь, то суживаясь, доходящая до Омска, черноземна и высоко плодородна, изобилует богатыми пастбищами. Кроме этой полосы черноземные участки, там и сям разбросанными клочками встречаются в горных долинах крайнего востока края. Вся южная полоса, вторая по ширине, простирающаяся между устьем Эмбы и Аральским морем, включая Кара-Кум и всю Голодную степь состоит из бесплодной пустынной почвы, дающей питание только немногим, специально приспособленным видам растительности.

Растительный мир Киргиз-казацкого края не разнообразен. В общем же в стране преобладает область степной, ковыльной и бедной, пустынной, полевой растительности. Область пышной, Альпийской растительности очень незначительна; она исчерпывается двумя, сравнительно небольшими площадями севернее и южнее озера Зайсана. Леса саксаула, заросли баялыча разбросаны во многих местах южной, песчаной, пустынной части; здесь же, по берегам рек, как напр. Чу, озер Балхаша, Чолкара, Каспийского и Аральского морей — непроходимые чаши высоких камышевых зарослей. Хвойные леса встречаются в восточной части края вокруг Кокчетав и Атбасара. Ко всему этому нужно добавить скудную растительность, годную только в корм верблюду, на солончаковых площадях, каковых по Киргиз-казацкой территории раскидано не мало. В общем же, несмотря на кажущуюся бедность, растительность Киргиз-казацкой земли все же достаточна, чтобы удовлетворять нужды своего края.

Животный мир Киргиз-казацкого края довольно разнообразен. Исключая всех видов домашних животных, здесь водятся горные бараны, антилопы, степные козы, дикие ослы в области озера Балхаша, во множестве и всюду волки, в массе лисы, зайцы и всякие другие грызуны. В зарослях камышей водятся дикие кабаны и даже тигры. Многочисленны также и разновидности земноводных. В песках попадаются громадные ящерицы и особые, песочные змеи. С началом весны прилетает бесчисленное множество птиц, которых с началом лета, когда степь выжигается солнцем, становится меньше и только по рекам и озерам во множестве остаются дикие утки, да по степям дрофы и жаворонки.

Киргиз-казацкая земля, несмотря на кажущуюся на первый взгляд неприглядность, несмотря на наличие

устрашающих песков, которые, кстати сказать, все же, при наличии орошения и будучи остановленными на месте, не совсем бесплодны, издавна известна разнообразием и обилием ископаемых богатств, что в наше время и составляет одно из верных обеспечений государственного благосостояния. В крае добывается золото (Колбинские, Нарымские и Курчмские хребты и по многим рекам), серебро, медь, железо, свинец. С недавних пор обнаружилось и наличие довольно мощных источников нефти по рекам Эмбе, Уиле и Сагизе и залежи каменного угля, которое уже эксплуатируется.

Кроме всего указанного, край богат марганцем, всякими цветными камнями, известняком и особой прекрасной белой глиной, годной на выделку фарфора, песчаником, из которого делаются точила, графитом, годным для огнеупорных построек, постройки кирпичных и черепичных заводов возможны почти повсеместно. Надо указать еще на одно исключительное богатство края — на ископаемое, прекрасную каменную соль, не уступающей по качеству и превосходящую по размерам Величковские копи и это — помимо многих соляных озер дающих неиссякаемое количество соли. Совершенно неиспользованными лежат еще богатые целебные грязи соляных озер, которые при здоровом климате Киргизского края, при рациональной постановке эксплуатации могут явиться источником богатейших доходов страны. Местные жители давно с успехом пользуются этими грязями в борьбе с болезнями. Наиболее замечательными по целебности надо считать озера Индерское, Кызыль-Как, Муялды, Колкаманское, Арсаланское, Кичене-Туз и др.

Водный бассейн Киргизского края, сравнительно с величиной территории, не обширен. Он состоит из северо-восточной части Каспийского моря, части Аральского, множества мелких, в большинстве соляных озер,

да нескольких, незначительных маловодных рек, многие из которых за лето высыхают. Наиболее богата из рек юга Сыр-Дарья, в значительной своей части протекающая по Киргиз-казацкой территории. Из озер заслуживают внимания Балхаш, Зайсан на востоке и юго-востоке, Чаны в Барабинской степи (по Левшину-Денгиз) и севернее Аральского моря — Чалкар. Почти все реки и озера кроме Иртыша не судоходны, но богаты всякой рыбой. В общем большая часть Киргиз-казацкого края (середина и юг) страдает от маловодья, только запад и север и крайний восток достаточно орошены водой. В последние годы через Голодную степь прорыт оросительный канал, могущий иметь большое значение в экономической жизни края.

По климату, если строго разбираться, Киргиз-казацкий край делится на четыре пояса: два с севера на юг, и два с запада на восток, но в общем климат явно континентальный. Жаркое лето, холодная зима, жаркий день и прохладная ночь, недостаток осадков, сухие ветры при значительных открытых песчаных пространствах — вот климат края. Хороша Киргиз-казацкая природа только весной и осенью, когда лучи солнца не так пекут, а обильные дожди вызывают к жизни растительный мир, когда люди и животные сыты, оживлены теплом и радостью. Нудна и скучна здесь природа зимой, когда по безбрежной голой степи гуляет холодный ветер, сопровождаемый часто грандиозными снежными бурями, бушующими целые недели, когда кочевья киргиз-казаков забываются в ватишки камышевых зарослей, загнав туда и свои стада. Не менее уныла степь и летом, когда вызженная солнцем степь кажется вымершей, когда песочные бураны не менее грозны, чем снежные.

(Продолжение следует).

Ф. Крюков.

Первые выборы*).

С лета 1905-го года я, за одно литературное разрешение, был переведен распоряжением попечителя Московского округа из Орловской гимназии в учителя Новгородского реального училища. Здесь в начале марта 1906 года я получил казенный пакет с печатью Глазуновского станичного правления. Сообщалось, что глазуновский станичный сбор, во исполнение высочайше утвержденного положения о выборах в Государственную Думу, выбрал меня уполномоченным в окружное избирательное собрание по Усть-Медведицкому округу области Войска Донского.

Пошел я с этой бумагой к директору: нужен был отпуск и — для поездки из Нижнего на Дон — не малый. Правда, занятия в учебных заведениях шли тогда с большими паузами, — учащиеся бастовали по всякому удобному и неудобному случаю. А все таки нам, учителям, приходилось стоять на своем посту неотлучно.

Директор долго читал и перечитывал уведомление станичного атамана. Сразу было видно, что в практике старого педагога подходящих прецедентов не было, и

он затруднялся определить линию своего отношения к вопросу.

— Гм... да... конечно, исполнение гражданских обязанностей... — хмуро бормотал он: — Я препятствовать не вправе... С другой стороны — отдаленности территории, так сказать, неопределенность срока... Как вы думаете, Александр Васильевич?

Делопроизводитель, в вопросах о законности и незаконности ориентировавшийся быстрее, чем все педагоги вместе взятые, поправил галстук, кашлянул, помолчал. Потом сказал коротко и внушительно:

— Причина законная.

— В таком случае — напишите... вздохнул директор: — что делать! Раз заварили кашу, будем расхлебывать...

Я получил отпуск на месяц.

Не без труда добрался до родного своего угла — Глазуновской станицы: по весенним грязям, через игравшие степные балки и ерики пятьдесят верст от станицы железной дороги ехал два дня. Однако, до выборов в окружное избирательное собрание времени было еще довольно, — кажется, дня четыре оставалось.

За эти дни у меня в гостях перебывали все цензовые выборщики, станичные обыватели, платившие земские сборы: лавочники, владельцы ветряных мельниц, кирпичных заводов, называемых у нас просто сараями, кожевник, овчинник. Приходили за советом: нельзя ли как уклониться от исполнения высокого гражданского долга? Очень уж труден путь до окружной станицы: через две реки переправляться надо, а переправы у нас — не дай Господи. К тому же и время рабочее, каждый час дорог.

— Ну, как она будет, эта Государственная Дума? — отдаленно, дипломатическим путем, начинал каждый посетитель.

По началу я принимал этот вопрос за искренний интерес к новому государственному строю и очень усердно просвещал иного собеседника касательно су-

* От ред. Двадцать пять лет тому назад, в начале 1906 г. казаки, впервые в истории, приняли участие в политической жизни России — послали своих депутатов в русскую Государственную Думу. Ничего не дала Дума Казачеству (это может быть хорошим уроком для будущего сторонникам „единой и неделимой“). Одним из донских депутатов в первой Думе был и Ф. Д. Крюков, краткие воспоминания о котором Д. И. Воротынского были помещены в предыдущем номере нашего журнала. Чтобы отметить этот „юбилей“, а также и для того, чтобы отметить и годовщину смерти казачьего писателя, мы и помещаем здесь отрывки из Крюковских „Первых выборов“, напечатанных в „Русских Записках“ за 1916 год. Читатели-казаки найдут уже в них мотивы его будущего, бессмертного „Родимого Края“.